

Глава восьмая

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ

После выхода в свет романа «Что делать?» возможности выступления Чернышевского в легальной подцензурной печати были закрыты и, как показало дальнейшее развитие событий, закрыты навсегда. Однако Чернышевский продолжает упорную и напряженную литературную работу, приступает к осуществлению новых беллетристических замыслов.

Он рассчитывал на возможности эзоповского, иносказательного выражения своих идей, надеялся на то, что еще не раз удастся обмануть чиновников охранительной цензуры. Но реакционное правительство нашло способ обезопасить себя от новых выступлений писателя-революционера, запретив в какой бы то ни было форме публиковать написанное Чернышевским.

Буквально на завтра после отправки последних страниц «Что делать?» в редакцию «Современника» 5 апреля 1863 г. Чернышевский приступил к работе над повестью «Алферьев». Первая глава ее была отправлена в «Современник», но напечатать ее уже не удалось. Только в 1906 г. она была впервые опубликована в X томе полного собрания сочинений Чернышевского. Вторая глава вообще не была выпущена за пределы III отделения, пролежала в архивах до Великой Октябрьской революции и впервые увидела свет только в 1933 г.

Судя по написанным главам, повесть «Алферьев» задумана была автором как повесть о путях становления характера «особенного человека». Борис Константинович Алферьев с детства проявлял необычайную силу характера, способность противостоять влиянию среды и ее традиций. Так же, как Рахметов, он сам строит свою судьбу: вопреки воле родителей едет учиться в университет и блестяще заканчивает его. Но от карьеры университетского профессора отказывается на том основании, что «никакая карьера не может быть согласна с его убеждениями». Затем он бросает службу именно

потому, что перед ним открывается блестящая карьера, а он не верит, что может быть полезен народу, служа самодержавию, и не хочет привыкать к власти и неза заслуженному благополучию. Единство слова и дела, теории и практики — основная черта его образа. В большом и малом, в общественно-трудовой деятельности и в быту он исходит из своих убеждений и поступает в соответствии с ними.

В практическом применении своих принципов и нравственных убеждений Алферьев иногда горько ошибается, но эти ошибки проистекают из недостаточного знания людей, а не из ошибочности его взглядов. Так, полюбив замужнюю женщину и поверив в её чувства, он отправляет письмо её мужу, предлагая ему поступить так, как поступил Лопухов по отношению к Бере Павловне. Но это только ставит его в нелепое и глупое положение. Муж-чиновник не в состоянии даже понять его претензий и видит в них только наглость, а жене — пустышке, даже в голову не приходит, что мимолетное любовное увлечение может привести к серьезным решениям, к необходимости бросить комфорт и отказаться от положения в свете.

Только в результате ряда разочарований Алферьев убеждается, что одних высоких нравственных принципов мало, что для применения их на практике нужно еще правильно понимать обстоятельства и людей. Он обнаруживает, что спастись из семейного рабства можно только такую женщину, которая действительно тяготится своим зависимым положением и сама может бороться за трудовую независимую жизнь. Отношения Алферьева с Лизой строятся уже правильно, хотя здесь он действует по чисто дружескому расположению, а вовсе не под влиянием любовного чувства: он помогает ей уйти из семейства, добиться умственной и трудовой самостоятельности, выйти замуж за человека по сердцу.

Требование точного и трезвого учета обстоятельств, правильной оценки человеческих характеров и потребностей выражено в сюжете повести, раскрывающем становление характера «нового человека». Умение правильно применять в жизни свои убеждения герой вырабатывает в практическом жизненном опыте. Позднее, в романе «Пролог» Чернышевский всесторонне развил эту тему в истории отношений Волгиной и Савеловой и в дневнике Левицкого.

В повести «Алферьев» Чернышевский достигает более высокого мастерства индивидуализации. Несмотря на весь свой нравственный ригоризм и прямоту суждений и поступков, Алферьев наделен чертами того неповторимого индивидуального своеобразия личности, которые делают его образ чрезвычайно конкретным, живым, отличным не только от людей иного типа, но и от других «особенных» людей.

Интересен в повести «Алферьев» и образ рассказчика, от имени которого ведется повествование: образ доброго и честного, но несвободного от власти общепринятых предрассудков интеллигента. В нём подчеркнуты черты кабинетного ученого, неловкого в «светском обращении». Широко использован юмор в изображении свойственной ему «основательности рассуждений» и «быстроты в соображениях» и т. д. Чернышевский стремится за внешней чудаковатостью обнаружить перед читателем подлинные чувства вдумчивого и доброжелательного человека.

В повести «Алферьев» уже обнаруживается дальнейшее развитие мастерства Чернышевского по сравнению с романом «Что делать?», те тенденции углубления реализма, которые нашли свое осуществление в романе «Пролог». Об этом свидетельствует и усиление юмора и более полная психологическая характеристика героев — раскрытие их внутреннего мира; их мыслей и чувств.

Характер и поступки Алферьева даются через восприятие рассказчика («мнимый я»), неспособного по своим взглядам и психологической настроенности сразу уловить их подлинный смысл: «У вас, вероятно, уже получена 1-ая глава «Алферьева» — не судите по ней о характере романа. Отдельно она экзальтирована; в романе (где составляет начало второй части) получает юмористический характер. В этой повести Алферьев изображается в том виде, каким кажется пошловатой части публики — мнимый я, рассказчик этой повести; он (рассказчик) потом принужден сознаться, что глупо понимал лицо Алферьева и все связанные с ним характеры и факты. Настоящий рассказ об Алферьеве, — (писанный уже самим Алферьевым) будет прост и чужд экзальтации» (XIV, 487), — писал Чернышевский Пыпину.

Почему повесть не была закончена автором? Почему уже через несколько месяцев он принимается за роман «Повести в повести», в который, по его свидетельству, должен был войти в качестве начала второй части «Алферьев»? Вероятнее всего это было обусловлено тем, что Чернышевский яснее увидел, насколько затруднительна будет дальнейшая публикация его произведений: цензурный скандал, связанный с появлением «Что делать?», доказывал, что истинный идейный смысл повести «Алферьев» еще недостаточно зашифрован для реакционной цензуры, что необходимо еще больше «беллетристических хитростей» для того, чтобы удалось обмануть ее. Правда, в августе 1863 г. он сообщил в письме к Пыпину, что торопится «кончить вторую главу повести, которая и смешна, мне кажется, и невинна в цензурном отношении, — вероятно, пройдет через цензуру легко, — потому что все болтовня, только для

потехи читателя, — но действительно уморительные сцены, над которыми я хохочу, когда пишу их, — так что это видно: рука прыгала, как у старухи, — от смеха, — такие вещи уж, конечно, невинны в цензурном отношении. Я хохочу этому, потому что это, конечно, и хорошо, чтоб получить за повесть деньги: легче пропустит цензура и публика будет довольнее, стало быть, и денег больше» (XIV, 484—85).

Однако это утверждение имело особое назначение: во-первых, оно должно было обмануть жандармскую цензуру, которая проверяла всё, что писатель передавал из крепости на волю; во-вторых, оно выражало надежду автора на то, что повесть может появиться в печати. На самом деле она вовсе не была совершенно «невинна в цензурном отношении», и автор почувствовал, что её смысл получится слишком прозрачным, что прием изображения Алферьева через восприятие «пошловатой части публики», через восприятие рассказчика, который «глупо понимал лицо Алферьева и все связанные с ним характеры», совершенно недостаточен для маскировки истинного содержания этого образа. Новый замысел связан с поисками еще более зашифрованной литературно-художественной формы. О своем будущем романе «Повести в повести» Чернышевский сообщал в письме к Пыпину от 4 октября: «Я писал тебе подробно о форме своего нового романа, чтобы ты и Некрасов могли видеть это по объему и составу. Не знаю, дошло ли до вас это письмо¹. Форма романа — форма 1001 ночи. Это сборник множества повестей, из которых каждая читается и понятна отдельно, все связаны общей идеей. Общая идея серьезна. Отдельные повести почти все веселы. Объем очень большой — листов 40 (печатных), я полагаю. Каждые 4,5 листов — особая часть, особое целое» (XIV, 487).

Чернышевский задумал использовать для нового романа сложные формы композиции «1001 ночи» для того, чтобы во множестве рассказов и повестей, связанных единством идеи и общей композиционной рамкой, дать широкую и разностороннюю картину жизни русского общества. Называя отдельные повести, входящие в состав романа, «сказками», он в то же время подчеркивает, что они основаны не на фантастике, а на реалистическом изображении жизни и предназначены не для детей, а для взрослых.

В «предисловии для моих друзей между читательницами и читателями» Чернышевский говорит по этому поводу: «Есть сказки не для детей. Их сборниками, больше чем самим Данте, славилась итальянская литература эпохи Возрождения», — и далее еще раз подчеркивает эту мысль: «Я в молодости

¹ Это письмо неизвестно.

очаровывался сказками «Тысячи и одной ночи», которые тоже вовсе не «сказки для детей».

Указав на серьезность задуманных «сказок», входящих в роман, он подчеркивал таким способом их реалистический характер: «Далеко не все сказки «Тысячи и одной ночи» — волшебные сказки. В итальянских сборниках вовсе нет волшебного элемента». Действительно, содержание той части романа, которая была написана в крепости и дошла до нас, глубоко реалистическое, охватывающее жизнь самых разнообразных слоев русского общества.

Здесь есть зарисовки быта городского трудового люда («Приятные воспоминания», «Притча о носе»), небольшие трагические новеллы из жизни крестьянства («Старик»), многочисленные эпизоды, рисующие жизнь мелкого чиновничества в столице («Бал») и в провинции («Обидчивый пуританин» и др.), изображение жизни дворянского светского общества, разнотчинной демократической интеллигенции и т. д. Значительное место занимает в «Повести в повести» тема личной и семейной морали, вопросы любви и дружбы, вопрос об эмансипации женщины. Включены в текст и пересказы песен и сказок разных народов («О Деборе-девице», «Лань», «Двое милых») и реалистические воспоминания о жизни губернского города еще крепостнической эпохи («Отрывок из мемуаров Перфильева»).

С неисчерпаемым разнообразием тем и вопросов, которые затрагивает Чернышевский в новом романе, связано такое же неисчерпаемое разнообразие художественных форм. Повествование ведется от имени полутора десятков различных лиц — молодых и старых, разночинцев и представителей аристократического светского общества, мужчин и женщин, людей никогда не выступавших перед публикой и профессиональных литераторов. И каждый раз изменяется интонация рассказа, характер повествования, манера речи в соответствии с обликом, развитием и кругом интересов нового «рассказчика».

Чернышевский использует формы дневника, письма, диалога, мемуаров, повеллы, притчи, сказки, анекдота, «физиологического очерка» и т. д. Он прибегает к приемам тончайшего психологического раскрытия образов и к сатирическому гротеску, к строго-реалистическому бытописанию и к фантастике. Не случайно в романе многократное обращение к Гоголю. Писатель вводит в действие группу персонажей «Ревизора» — гоголевских чиновников и их потомков, показывая, что они поделывают и как себя чувствуют в новых послереформенных условиях. В другом случае он рассказывает о людях, которые якобы послужили прототипами гоголевских героев. Так, в рассказе «Обидчивый пуританин» изображен уже постаревший

прототип гоголевского Ивана Федоровича Шпоньки и Подколесина. В третьем случае Чернышевский в гротескно-сатирическом стиле повествует о дальнейшей судьбе гоголевского героя, который у самого Гоголя только бегло очерчен, как фигура эпизодическая. Такова «Притча о носе», рассказывающая о злоключениях того брадобрея, который отхватил нос майору Ковалеву и попал в лапы полиции по смутному подозрению в какой-то виновности. Как известно, этот прием был широко использован и Салтыковым-Щедриним.

Роман остался незаконченным (из 40 печатных листов предполагаемого объема было написано около 26), но и по этой части ясно намерение автора охватить жизнь всех социальных слоев и групп русского общества, показать живую и неструю картину его настоящего и недалекого прошлого, показать, насколько неполны и недостаточны для развития и счастья большинства нации те изменения, которые произошли в русской жизни после реформы. Очевидно это был замысел близкий к тому, который в совершенных поэтических формах, в неизмеримо более открытом, незашифрованном виде осуществил Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Неотступная мысль о почти непреодолимых цензурно-полицейских препятствиях заставляла Чернышевского тщательно зашифровывать свой подлинный замысел. В предисловии он, вопреки всякой очевидности, утверждает, что новый роман его не более, чем произведение «чистого искусства», чуждое каким бы то ни было общественным идеям и стремлениям: «Мы в нашей литературе все занимаемся общественными вопросами. Это прекрасно. Но бывает потребность и в отдыхе от серьезных мыслей, потребность забыть хоть на час, что мы граждане и граждане, помечтать легкими, светлыми грезами чистой поэзии, чуждой всякого общественного служения... Итак, друзья мои, «Повести в повести» просто-напросто «Сказки в сказке», произведение чистой поэзии, навеянное на современного вам человека дивной поэзией «Тысяча и одной ночи».

Ради той же цели, т. е. для обмана цензуры, Чернышевский всячески заверяет читателя, что его роман совершенно лишен национального колорита, хотя, по его же словам, без местного, национального элемента не может существовать реалистический роман и повесть. «Без местных красок и без национальных обычаев, мыслей, национальности характеров в действующих лицах нет ни вида реальности — правдоподобия — в действии, ни осязательности в действующих лицах. А без этих условий нельзя обходиться романам, повестям. Без них могут и хотят обходиться только сказки... И действительно,

мое произведение должно было бы называться не «Повести в повести. Роман», а «Сказки в сказке. Сборник».

Той же цели служит в значительной мере и композиция романа, и нарочитая запутанность вопроса об авторе. Целая компания друзей записывает и свою жизнь, и рассказы знакомых им случайных лиц. Но выступить в качестве автора они принуждают богатого и добродушного дворянина, светского человека Верещагина. Тот в свою очередь нанимает журналиста Перфильева, чтобы он своей рукой переписал и своею подписью прикрыл истинных авторов. Каждый из них вносит в роман свои собственные взгляды, воспоминания, соображения. Эта многоликость автора-рассказчика используется одновременно и как художественный прием для освещения одного и того же вопроса с различных точек зрения. Но главная цель такого усложненного построения — запутать вопрос о действительном авторе в случае, если препятствием к публикации будет имя Чернышевского.

Все эти «беллетристические хитрости» все же не помогли. Рукопись «Повести в повести» даже не дошла до его друзей на воле. Так же, как II глава «Алферьева» и ряд мелких рассказов, написанных в крепости в феврале-марте 1863 г., она была похоронена в архивах III отделения и только после Октября стала доступна читателю и исследователю.

Работа над романом была прекращена автором 1 января 1864 года.

Около двух лет тянулось следствие по «делу» Чернышевского. Несмотря на полное отсутствие улик, несмотря на то, что попытка грубого подлога, состряпанного руками провокатора Вс. Костомарова, была публично и скандально для правительства разоблачена перед всем миром, великий мыслитель и революционер, вождь русской революционной демократии все же был осужден на каторжные работы с последующим поселением в Сибири навсегда.

Но и в жестоких условиях каторги Чернышевский продолжает свою литературную работу. Глубокая вера в силы народа, в светлое будущее Родины поддерживала в нем непоколебимую твердость духа, живую надежду на возвращение к практическому участию в освободительном движении. На ближайшее же время только литературная деятельность оставалась единственным средством практического участия в общественной жизни страны. Поэтому в Александровском заводе он упорно писал и писал очень много. В письме к жене от 18 апреля 1868 года с сибирской каторги он сообщает: «...придет время писать для печатанья и будет можно воспользоваться множеством планов ученых и беллетристических работ, которые накопились у меня в голове за эти годы праздного изучения и

обдумывания. Как только будет разрешено мне печатать, — а в следующем году наверно будет, — отечественная литература будет наводнена моими сочинениями... Здесь, от нечего делать, выучился я писать занимательнее прежнего для массы» (XIV, 497).

Неукротимая воля к борьбе, страстное стремление вопреки всем препятствиям и тюремным затворам продолжать свое дело сказывалось в этой упорной, неослабевающей работе. «Писать для Николая Гавриловича значило то же, что для рыбы плавать, для птицы летать, писать для него — значило жить», — вспоминал один из товарищей Чернышевского по заключению П. Николаев¹ и далее отмечал, что «особенной продуктивностью отличался он в первые три зимы», т. е. с конца 1866 г., когда Чернышевский был переведен на Александровский завод, до 1869—70 гг. В это время Чернышевским было написано громадное количество произведений, главным образом беллетристических.

12 января 1871 г. он писал жене: «В ожидании переезда я перестал писать повести, которые изобретаю: при переезде чем меньше бумаг, тем лучше. И без новых прежние достаточны для наполнения десятков книжек журналов. Чтобы оставить при себе несколько поменьше, посылаю тебе пачку, из которой кое-что, может-быть, и удобно для напечатания. Прилагаю список этим рукописям и заметки о них — эта пачка незначительная часть приготовленного мною для печати; я выбрал только то, что не нужно мне для справок» (XIV, 505).

В этом письме речь идет о единственной вполне удавшейся посылке произведений Чернышевского на волю, конечно, тайно от тюремщиков; отправлены были частью незаконченные произведения: «Вообще то, что я пишу, связано — один роман с другим, другой с третьим, — так что многое, готовое у меня, должно оставаться в моих руках до отделки следующих рассказов, которыми займусь по переезде», — писал он. В числе присланных в этот раз произведений был знаменитый роман «Пролог» («Пролог пролога» и «Дневник Левицкого»), повести и отрывки «История одной девушки», «Потомок Барбаруссы», «Знаменис на кровле», «Кормило кормчего», драматические произведения — «Драма без развязки» (первоначальное название «Другим пельзья»), «Великодушный муж», «Мастерица варить кашу». Этот перечень произведений и составляет почти всё, что дошло до нас из написанного Чернышевским в Александровском заводе. Большая часть созданного им в эти годы, всё, что было оставлено им для справок и даль-

¹ П. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге, М. 1906, стр. 24.

нейшей работы, бесследно погибло. Он не мог предполагать, что после окончания срока каторжных работ возможность пересылать друзьям законченные произведения не только не увеличится, но, наоборот, будет совершенно прекращена.

Среди произведений, присланных Чернышевским в 1871 году, наиболее значительным является, несомненно, его роман «Пролог», гениально раскрывающий подлинную сущность «освободительной» реформы Александра II, истинную роль и политическую физиономию дворянского либерализма в общественной борьбе 50—60-х гг. По замыслу Чернышевского роман «Пролог» составлял вторую центральную часть большой повествовательной трилогии. Первую часть ее составлял роман «Старина», рисовавший дореформенную жизнь крепостнической России; третью часть должны были составить «Рассказы из Белого зала».

Роман «Старина» был закончен и отправлен Пыпину еще ранее, в 1871 году. «Роман «Пролог пролога» продолжение «Старины», которая была послана прежде», — указывает Чернышевский в списке произведений, приложенном к письму и посылке. Из воспоминаний товарищей Чернышевского по заключению явствует с совершенной очевидностью, что этот роман был вполне закончен. Многочисленные свидетельства подтверждают и тот факт, что он был послан Пыпину.

12 декабря 1872 г. К. Маркс в письме к Даниельсону обращается к нему с просьбой: «Еще одно. Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе. Но для этого мне нужны фактические данные»¹. Даниельсон отвечал Марксу в 1873 г.: «Чтобы получить сведения о жизни Чернышевского, я обратился к его друзьям. Один из его друзей, с ранней юности тесно связанный с ним и поэтому близко его знавший, боится теперь произнести громко его имя. Но этого мало. Получив в 1866 г. от Чернышевского роман чисто эпического характера, ... рисующий общественное движение 40-х годов в столице и в провинции, *впечатление*, произведенное Крымской войной на общество, общественное движение, явившееся результатом этой войны, освобождение крестьян и т. д., — этот человек не нашел ничего лучшего, как... сжечь роман!.. И от такого человека я надеялся узнать подробности о Чернышевском!»².

Несомненно, что в этом письме речь идет о Пыпине, так как именно он был с ранней юности тесно связан с Чернышевским и только ему или Ольге Сократовне Чернышевский

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1947, стр. 69.

² Там же, стр. 71—72.

посылал свои рукописи. Несомненно и то, что речь идет именно о рукописи романа «Старина», так как краткая характеристика ее содержания в письме Даниельсона совпадает по существу с более подробным изложением сюжета «Старины», которое дают товарищи Чернышевского по заключению — С. Стахевич и В. Шаганов, слышавшие роман в чтении самого автора.

О содержании и характере романа «Старина» мы можем судить теперь только по свидетельствам и пересказам П. Николаева, С. Стахевича, В. Шаганова. Наибольший интерес представляют воспоминания С. Стахевича «Среди политических преступников», где дано наиболее связное и подробное изложение сюжета «Старины».

В романе была дана широкая картина жизни русского общества в эпоху непосредственно предшествовавшую подготовке реформы, изображены те скрытые еще «во глубине России» процессы, которые вызвали к жизни и подготовили необходимость преобразований после смерти Николая I. «Первое беллетристическое произведение, которое он отчасти прочел, отчасти рассказал нам, называлось «Старина». Это был роман, в котором изображалось наше провинциальное общество времен, непосредственно предшествующих крымской войне»¹, — вспоминает Стахевич.

Главные герои этого произведения те же, что и в «Прологе», но еще до переезда Волгина — Чернышевского в Петербург. Стахевич так излагает начало романа:

«В начале романа рассказывается о Волгине, молодом человеке, который только что окончил университетский курс и едет в провинцию на службу; он сидит на почтовой станции в ожидании лошадей и перелистывает свою записную книжку. Там в числе прочих заметок оказывается несколько строк о крестьянской избе; строки имеют тот смысл, что, если бы это жилье было назначено для коровы или для лошади, — хлев был бы не особенно хорош, но, можно сказать, сносен...

Когда студент выехал со станции, на одном из переездов он делается случайным очевидцем такой сцены: дорога идет берегом реки; на реке густой ледоход; на противоположном берегу толпа крестьян, о чем-то галдящих, размахивающих руками, указывающих один другому на какой-то предмет, барахтающийся в некотором расстоянии от берега; из барской усадьбы подбегает к толпе барышня, говорит с ними несколько секунд, выхватывает у кого-то из них длинный шест и начинает перепрыгивать с одной льдины на другую, направляясь к барахтающемуся предмету; ее отвага увлекает нескольких

¹ С. Стахевич, Среди политических преступников, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, 1928, стр. 68.

человек из толпы, и они общими силами вытаскивают утопавшего»¹.

Рисуя жизнь героя в родном губернском городе, Чернышевский дает картину нравов русского провинциального общества начала 50-х годов, изображает различные типы чиновников из среды разночинцев. Стахевичу и Николаеву особенно ярко запомнился образ одного из претендентов на руку Платоновой, которая выходит замуж за Волгина. Это тип человека сильно-го и неглупого, увлекавшегося идеями утопического социализма, но сломленного жизнью, примирившегося с необходимостью служить несправедливому порядку, ставшего циником и озлобленным карьеристом. По общественному положению он — чиновник, уже дослужившийся до губернского прокурора.

«Он — губернский прокурор, происходит из разночинцев, ненавидит дворянство; «если бы эти остолопы не лежали бревнами поперек дороги моей и подобных мне, я, конечно, давно был бы уже министром; а по милости этих паразитов, я застряну здесь прокурором». Он отлично изучил, между прочим, «*Ami du peuple*» Мора, многие места цитирует наизусть. Когда до него доходят дела о злоупотреблениях помещичьей властью, он неумолим и неподкупен; в других делах — взяточник бесцеремонный. «Вот два скота ведут между собой тяжбу о наследстве. Институт наследства — сам по себе нелепость; неужели я стану стараться о беспристрастной оценке доказательств, представляемых сторонами. Кто из этих скотов больше даст, того доказательства я приму за более веские; и тогда уже моею обязанностью будет подкрепить эти доказательства ссылками на законы и на практику наших судов. Я даром деньги не возьму; доказательства противной стороны с грязью смешаю; при моих знаниях и при моей памяти это удастся мне всегда и непременно».

Какую фамилию дал автор этому поклоннику Платоновой, я не помню, а о наружности кое-что помню: брюнет, самой темной марки, лицо худощавое, желчное, глаза — темные и блестящие, как уголья со вспыхивающими искрами»².

Так же, только более сжато и бледно характеризует его и Николаев³.

Уже в «Старине» намечались некоторые линии полемики против либералов, так широко развернутые в «Прологе». Изображая отношения Волгина со стариками-родителями — «простодушными консерваторами», — Чернышевский показывает,

¹ С. Стахевич, Среди политических преступников, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О—ва политкаторжан, 1928, стр. 68.

² Там же, стр. 69.

³ См. П. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге, М. 1906, стр. 45.

например, что они сходились в оценке таких типических явлений бюрократической государственности, как взяточничество; правда, по совершенно противоположным мотивам. Чернышевский иронизировал над благородным негодованием либералов-обличителей, видевших корень общественного зла во взяточничестве отдельных чиновников, в то время как оно было всего лишь естественным следствием господствующей системы, порочной сверху донизу.

«Я помню, как было изображено в романе отношение обеих сторон к одному из житейских вопросов, который, повидимому, мог бы оказаться причиной раздора между двумя поколениями, однако не оказался, — к вопросу о взяточничестве.

Старикам оно представляется учреждением, существующим спокон веков, действующим в рамках, так сказать, обычного права, не заслуживающим, вообще говоря, никакого особенного внимания и осуждения, за исключением тех, сравнительно редких, случаев, когда человек чересчур увлекается и «не по чину берет». Их сын так же мало склонен горячиться по поводу взяточничества, как и его родители: ему оно представляется не корнем болезни, а только одним из ее симптомов; корень другой: «коль лестницу мести, то надо сверху», в противном случае, сор, как ни мети с нижней ступени, очень скоро опять свалится на нее с верхней ступени. В этой части романа автор коснулся подобным же образом некоторых других житейских вопросов, но припомнить их теперь я уже не в состоянии»¹.

В романе нашла свое развитие и проблема положительного женского характера, поставленная еще в «Что делать?». Платонова отличается необычайной энергией и своеобразием характера, способностью активно вмешиваться в жизнь.

«Платонова — барышня бойкая, веселая, любит танцы и вообще развлечения, но, кроме того, еще довольно усердно занята добыванием каких-то сведений и справок, нужных ей для оказания помощи сиротам, имуществом которых завладел какой-то пройдоха и чуть ли даже не самозванец, то есть он появился в городе под тем именем, которое, как подозревает Платонова, ему не принадлежит. Я не могу вспомнить подробностей этого эпизода в романе, но помню, что для получения желаемых сведений Платонова принимает иногда у себя каких-то женщин почтенного возраста и совершенно непочтенной наружности; при появлении кого-либо из поклонников эти подозрительные особы быстро удаляются, но у поклонников шевелится мысль: «ведь это какие-то, должно-быть, сводни». Каж-

¹ С. Стахевич, Среди политических преступников, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, 1928, стр. 68—69.

дого из них и без того грызет жестокая ревность; встреча с предполагаемыми своднями — последняя капля в наполненный стакан; происходит бурное требование объяснить свои поступки. Платонова отвечает коротко и ясно в том смысле, что не желает входить ни в какие объяснения: «Я вас прошу заметить раз и навсегда, что опекуны и надзиратели не нужны мне, я их не выношу». Если поклонник не исчезает из её свиты после первой головомойки, она через некоторое время проделывает какую-нибудь штуку, еще более компрометирующую ее по внешности.

Любовь Волгина особенная: он предан Платоновой беззаветно, не предъявляет никаких претензий и сомнений: что, по её мнению, хорошо, — значит оно и есть хорошо, хотя бы другим казалось, что оно — нехорошо, хотя бы даже ему самому казалось так, как и другим. «Мы все, все ошибаемся—и больше ничего; а она не может ошибаться, потому что натура у неё великолепная. Соловей не может каркнуть по-вороньему, если бы даже захотел».

Дело оканчивается их свадьбой¹.

Но главное в романе «Старина» — это мысль об определяющем значении массового народного движения, о необходимости для революционно-демократической интеллигенции тесной связи с революционным крестьянством. Это единственное из произведений Чернышевского, известных нам, где тема крестьянского освободительного движения раскрывается в прямом изображении мужицкого бунта. Видимо это обстоятельство и вызвало панический страх Пыпина. О характере раскрытия этой темы в романе Стахевич сообщает следующее: «Довольно обширным эпизодом в романе является крестьянский бунт. Для автора чрезвычайно характерна относящаяся к этому эпизоду заключительная сцена; бунт усмирен силою оружия, но предводитель бунтовщиков скрылся: через несколько дней к Волгину заходит человек, одетый в чуйку, повидимому, какой-то мещанин, — это и есть разыскиваемый властями предводитель бунтовщиков; у него с Волгиным происходит непродолжительный разговор, в конце которого Волгин неожиданно для собеседника наклоняется к его руке и целует ее. Он добывает в скором времени паспорт и несколько денег для этого человека; и тот устраивается в каком-то городе в качестве мелкого торговца (по тогдашнему—в звании купца третьей гильдии)»².

Об изображении крестьянского бунта в романе «Старина»

¹ С. Стахевич. Среди политических преступников, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, 1928, стр. 69—70.

² Там же, стр. 70.

рассказывают и Николаев, и Шаганов, хотя последний, излагая содержание этого романа, ошибочно называет его «Прологом пролога». Николаев сообщает, что «первая часть (трилогии — Г. Т.) кончается крестьянским бунтом, чисто стихийным. Прокурор, понятно, вмешивается, дело раздувается до страшных размеров, заваривается страшная каша, в которой запутана чуть не вся губерния. Но и Волгину, жена которого косвенно впутана в эту историю, приходится уезжать в Петербург»¹.

В воспоминаниях Шаганова указано, что в романе изображался «бунт государственных крестьян, возникающий за отягательство у них земли богатым соседним помещиком»². Шаганов подчеркивает, что это событие Чернышевский описывал «подробно, со всеми перипетиями от хождения ходоков к начальству до открытого восстания и усмирения местными властями и военной командой»³.

Изображение народного стихийного возмущения, несомненно, составляет важнейшую сторону идейного замысла романа и его сюжетную кульминацию. Здесь Чернышевский в живых образах показывал «Значительное повышение... активности масс» для того, чтобы затем в «Прологе» показать, что именно поэтому и верхи не могут жить по-старому⁴.

Сюжетная связь первой («Старина») и второй («Пролог») частей трилогии раскрывала одну из глубочайших закопомерностей исторической жизни — истинные причины падения крепостного права. Действительно, стихийное возмущение крестьянства, народные бунты, возникавшие в различных губерниях, явились подлинной причиной, заставившей помещичье правительство пойти на реформы. Крымская война только обнаружила и обострила эту необходимость, сделала ее очевидной для всего общества и для самого правительства.

Что касается художественного мастерства Чернышевского в этом романе, то все слушавшие считали «Старину» лучшим беллетристическим произведением писателя. О высоких художественных качествах романа говорит и тот факт, что Стахевич через 40 лет после слушания (а не чтения) его смог с такой четкостью воспроизвести сюжет и важнейшие черты главных действующих лиц.

Стахевич утверждает, что помимо исключительной ценности, которую имел роман для изучения саратовского периода в

¹ П. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге. М. 1906, стр. 45.

² «Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке». Воспоминания В. Шаганова. СПб. 1907, стр. 19.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189—190.

биографии Чернышевского, и в художественном отношении — это серьезная потеря для нашей литературы: «Мне кажется, что беллетристический талант Николая Гавриловича проявлялся в «Старине» с большей силой, нежели в каком-либо из его произведений на поприще беллетристики»¹.

Гибель этого произведения — ничем не восполнимая потеря.

Большая эпическая трилогия, центральной частью которой должен был стать роман «Пролог», по замыслу автора должна была дать всестороннюю картину жизни русского общества в один из переломных моментов его истории, в эпоху падения феодально-крепостнического строя.

¹ С. Стахевич. Среди политических преступников, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, М. 1928, стр. 71.